

Спустя полчаса, когда на Мосту Найхэ восстановился привычный порядок, Юнь Байли как раз вёл Цин Мянь через Хребет Диких Собак.

— Маленький генерал Цин, впереди совсем недалеко находится Иньчаосы. Можешь передохнуть немного, а я тут сбегая перекинуться парой слов со знакомыми, это не займет много времени.

Пожалуй, из-за того, что через семь лет им предстояло стать коллегами, в обращении Юнь Байли «маленький генерал Цин» уже не слышалось прежних насмешливых ноток, а тон звучал мягко и искренне.

Цин Мянь, конечно же, рвалась обратно в мир живых, чтобы как можно скорее начать расследование.

Но этот Юнь Байли всё-таки замолвил за неё словечко перед самим Царём Плутоном, как же она могла не проявить к нему хоть малейшего уважения.

— Господин Юнь, поступайте как знаете, — кивнула Цин Мянь.

Не успел замереть звук её голоса, как из окружающих кустов донеслось хрустящее «хрусь-хрусь», похожее на быстрые шаги мелкого зверька.

Обладающая поразительным чутьем прирожденного разведчика, Цин Мянь в тот же миг инстинктивно подалась плечом назад и отступила, приняв оборонительную стойку.

Юнь Байли торопливо заслонил её собой:

— Не бойтесь, это друзья Юнь моу!

Пока он говорил, из кустов друг за другом выпрыгнули несколько черных теней длиной в два-три чи. С лаем бросившись к Юнь Байли, они подбегали к его поясу и ногам, а затем принимались ласково и угодливо повизгивать.

— Не спешите, не спешите, всем хватит.

Юнь Байли с улыбкой успокаивал псов, отдал фонарь Цин Мянь, развязал за спиной узелок, достал несколько вещей размером с гранат, излучавших фосфорический свет, и по очереди сунул их собакам в пасти.

Псы зажали светящиеся шары зубами, слегка отступили, сгорбились и принялись с жадным сопением их слизывать.

Юнь Байли наклонился, по очереди потрепав их по шеям, и мягко, неторопливо проговорил:

— Ешьте почище, они куплены на золото, штука редчайшая.

Затем он повернулся к Цин Мянью и добавил:

— Маленький генерал, те золотые украшения и драгоценности, что вы пожаловали, по большей части пойдут в дар Мэн По, а вот один золотой цветок я оставляю и обменяю на их лакомство. Ваш покорный слуга благодарит вас от лица этих бедных пушистых малюток.

Вот оно что.

Вспомнив боевых коней и охотничьих собак, которых она держала в армии при жизни, Цин Мянью почувствовала, как антипатия к Юнь Байли, еще недавно требовавшему с неё плату за проход, стала еще чуточку слабее.

— Господин Юнь может называть меня просто по имени, не нужно добавлять слово «генерал», — в голосе Цин Мянью проскользнуло любопытство. — Что это они едят?

— Пилюля Продления Души. В Цюнбаосы посмертного мира их можно выменять на золото и нефрит.

— Собаки едят это, чтобы продлить жизнь?

— Мгм. Хотя это место и зовется Хребтом Злых Собак, эти бедняги — на редкость кроткие и преданные псы. Попад после смерти в подземный мир, они понятия не имеют, что их хозяева всё еще живы в мире живых, или даже если хозяева умерли, они уже пересекли Мост Найхэ, чтобы переродиться. А эти глупыши просто сидят здесь и ждут своих хозяев. У людей три души и семь тел, у собак души тоже есть. Если пробыть в подземном мире слишком долго, душу и тело растреплют злые темные испарения. А съешь такую Пилюлю Продления Души — и сможешь продержаться еще какое-то время.

Юнь Байли рассказывал всё не спеша, то и дело сдувая с собачьих хвостов застрявшие бесстебельные лепестки цветов.

Его прежний облик лукавого и изворотливого мелкого чиновника испарился без следа.

В глазах Цин Мянью нынешний Юнь Байли казался какой-нибудь пожилой женщиной у стен чужого пограничного дома, заботящейся о сиротах павших воинов.

— Верно, благодарю вас, господин Юнь, за то, что замолвили за меня словечко, — сказала Цин Мянью.

— Кхе, — махнул рукой Юнь Байли. — Пустяки. Просто я увидел, что вы тоже донельзя преданны, совсем как они, э-э...

Как только Юнь Байли произнес это, он понял, что брякнул не подумав: ведь это получалось сравнение Цин Мянью с собакой.

Но Цин Мянью сама поспешила сгладить неловкость:

— Если собака — верная, она в сотню раз лучше черносердечного человека. Сравнение господина Юня мне по душе. Генерал Цинь Фан даровала мне вторую жизнь, и я должна защищать её, как верный пес.

Юнь Байли умолк на мгновение, но всё же не удержался от вопроса:

— А... если, вернувшись к жизни, ты обнаружишь, что великий генерал действительно миновала беду и правда полностью раскрыта, не пожалеешь ли? В конце концов, через семь лет тебе... придется остаться здесь навечно.

— Не пожалею, — без малейших колебаний ответила Цин Мянью. — Шесть лет в армии семьи Цинь разведчиком и дозорным, как бы тяжело ни было, были днями, когда я ходила с высоко поднятой головой. Прожить человеческую жизнь с долей истинно героического духа, прожить её вот так основательно — с меня уже хватит. Переродись я вновь, пусть даже в богатой и знатной семье или в роду ученых мужей, это вовсе не обязательно принесет мне больше радости.

Этот ответ ударил по Юнь Байли, словно волны реки Подземного Мира.

Мысли этой женщины были настолько бескомпромиссными.

И в то же время... казались весьма разумными.

Затем, примерив её ситуацию на себя, Юнь Байли окутала смутная печаль, породив в душе чувство странного сходства их судеб и взаимного уважения.

Так они шли друг за другом, в полном молчании одолевая еще отрезок пути, пока Цин Мянью не заговорила снова:

— Господин Юнь, прежде чем мы войдем в Иньчаосы, позвольте задать еще один нескромный вопрос: почему вы остались служить в подземном мире?

— Говорят, я родился здесь и нахожусь тут уже очень давно.

— Говорят? — Цин Мянью посмаковала это слово.

Это значит, что, по крайней мере, мать у него была, но умерла очень рано?

— Мгм, сестрица Мэн По сказывала, — мрачно промолвил Юнь Байли. — Кхе, истории подземного мира в двух словах не расскажешь, ступай занимайся своими делами.

Побродив целый день по Иньчаосы, Цин Мянью в конце концов выбрала для возрождения тело скончавшейся от болезни молодой женщины из Иньтяньфу по имени Цзинь Мянью.

Столица Великой Лю, Иньтяньфу, находилась недалеко от земель Цзяннани, и в местной чиновничьей речи слышался ууэский акцент.

Когда Цин Мянью впервые прибыла в столицу вместе с Цинь Фан, её природная наблюдательность разведчика позволила заметить, что столичные чиновники произносят фамилию Цинь как Цзинь.

А иероглиф Мянью и вовсе звучал в точности как Мянью в её собственном имени, так что, вернувшись в мир живых, она очень быстро привыкнет к тому, что её называют этим именем.

Поэтому, когда Цин Мянью просматривала ту самую Книгу Жизни и Смерти в подземном мире, разыскивая списки обреченных на смерть в пределах Иньтяньфу, её взгляд сразу же привлекло имя Цзинь Мянью.

Но еще большей причиной остановить свой выбор именно на этой женщине было положение Цзинь Мянью — она была хозяйкой ювелирной лавки Цзиньцун.

Цин Мянью еще не исполнилось пятнадцати, когда она уже рыскала по рынкам крупных северных застав, выведывая военные тайны, а позже, служа при Цинь Фан, рассмотрела на самые изысканные вещи.

Она неплохо разбиралась в красивых женских украшениях, и, приняв такой облик, ей было бы гораздо проще войти в доверие и куда труднее проколоться, чем избрав любую другую судьбу.

К тому же, знатные вельможи и богачи Иньтяньфу, точно так же, как и богатеи из крупных провинций к северу от Янцзы, вечно заказывали управляющим лавок одежды или ювелирных магазинов приносить товары прямо к ним в резиденции для выбора.

Не имевшая в столице ни корней, ни опоры Цин Мянью в роли хозяйки ювелирной лавки смогла бы гораздо быстрее подобраться к высокопоставленным сановникам и вывести правду на

чистую воду, чем если бы она переродилась простою хозяйкой дома из зажиточной семьи, низшим чиновником или бедной ученой девой.

В тот день, когда она и её приемная мать Цинь Фан попали в ловушку в резиденции министра, которая должна была стать самым безопасным местом, Цин Мян, вспоминая некоторые странные детали, пришла к выводу, что всё это подстроили министр Мао с сыном.

А попав в подземный мир и узнав, что Цинь Фан всё еще жива в мире живых, Цин Мян и вовсе сочла происходящее крайне подозрительным.

Неужели её собственная смерть была лишь средством скрыть, что приемная мать осталась жива?

Если за этим грязным заговором стояла борьба за власть при дворе или даже связь с враждебным государством, то в первую очередь она должна была найти способ проникнуть в резиденцию министра Мао и отыскать там хоть какие-то зацепки — не только чтобы прояснить обстоятельства собственной гибели, но главное, чтобы узнать текущее положение Цинь Фан и даже спасти государственную безопасность Великой Лю.

<http://bllate.org/book/21831/2261313>